

А. А. Кузнецов

Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока

Александр Андреевич Кузнецов, канд. полит. наук,
доцент Российской Академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
сотр. Центра партнерства цивилизаций
Института международных исследований МГИМО МИД России.
Москва, 119606, просп. Вернадского, д. 84. E-mail: samarkand4@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена феномену разногласий между государствами — членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) в контексте различных внешнеполитических программ и устремлений Саудовской Аравии, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов. Вскрываются основания доминирования монархий Персидского залива, главным образом КСА и Катара в ближневосточной политике последнего десятилетия; анализируются основные принципы внешней политики Катара и геополитическая повестка этого государства, а также факторы и причины катарско-саудовского политического конфликта. С учетом изменений американского внешнеполитического курса на Ближнем Востоке исследуются влияние внешних акторов на кризис в саудовско-катарских отношениях и разные политические стратегии Саудовской Аравии и ОАЭ в Йемене, реализация которых может привести к разделу этой ближневосточной страны.*

Саудовско-катарское соперничество, приведшее к открытому конфликту в отношениях между двумя государствами — членами ССАГПЗ рассматривается автором в контексте политических изменений в регионе, активизировавшихся в ходе так называемых «арабских революций» (начались в 2011 г.). Выделяются четыре фактора катарско-саудовских противоречий:

- соперничество за доминирование в арабских странах Ближнего Востока;
- исторический фактор, связанный с взаимным неприятием правящих семей аль-Саудов и ат-Тани;
- споры за идейное и религиозное наследие Мухаммеда Абдель Ваххаба;
- различие в подходах к отношениям с Ираном.

Основной причиной катарско-саудовского и катарско-египетского противостояний автор считает поддержку катарским руководством движения «Братья-мусульмане». Анализируется также стремление катарского руководства к диалогу с Ираном, не вписывающееся в конфронтационную по отношению к ИРИ политику КСА. Отмечается прочность американо-катарского альянса на первом этапе «арабских революций», связанная со ставкой Дохи и Вашингтона на движение «Братьев-мусульман», и последующее расхождение позиций, особенно ярко проявившееся после прихода к власти в США администрации Д. Трампа.

Ключевые слова: Катар, Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты, «Братья-мусульмане», Исламская Республика Иран, геополитические противоречия, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

В 2011 г. регион Ближнего Востока вступил в полосу политических потрясений, приведших к переформатированию политической карты региона, превращению ряда стран региона (Си-

рия, Ирак, Йемен, Ливия) в «несостоявшиеся государства» (*failed states*)¹, разрушению экономики и инфраструктуры, массовым перемещениям людей. Нынешний ближневосточный кризис обусловлен как внутренними, так и внешними причинами. Наряду с такими внутренними факторами, как отрыв политических элит ряда стран региона от народных масс, коррупция, неэффективное управление, повышение политической активности молодежи, заметную роль в появлении военно-политических кризисов в регионе сыграли внешнеполитические амбиции ряда региональных держав, в частности Катара и Саудовской Аравии. Пользуясь слабостью светских арабских режимов, эти монархии Персидского Залива попытались расширить свою сферу влияния в регионе и стать привилегированными стратегическими партнерами США. Результатом этих политических игр стали дальнейшая дестабилизация обстановки в регионе, а также активизация соперничества этих двух государств. В течение нескольких последних лет все более самостоятельную внешнюю политику проводят и Объединенные Арабские Эмираты. Данный фактор, в свою очередь, осложнил и без того непростую обстановку в регионе.

В годы «холодной войны» и американо-советского политического противостояния Саудовская Аравия наряду с Турцией и Израилем была одним из основных союзников Соединенных Штатов на Ближнем Востоке. Привилегированное партнерство США с КСА было закреплено во время встречи президента Соединенных Штатов Франклина Рузвельта и основателя саудовского королевства Абдель Азиза бен Сауда на борту крейсера «Куинси» в Суэцком канале в марте 1945 г. При этом США обязались быть гарантом национальной безопасности Саудовской Аравии, в то время как Эр-Рияд гарантировал энергетическую безопасность США, включая бесперебойные поставки нефти из региона Персидского Залива [1, с. 369]. Роль привилегированного партнера США, выделенная КСА, объяснялась рядом факторов. Во-первых, топливно-энергетическим потенциалом Королевства, ставшего одним из основных мировых экспортеров нефти. Во-вторых, месторасположением на территории КСА священных городов ислама — Мекки и Медины, что существенно поднимает престиж Саудовской Аравии среди мусульман. В-третьих, значительным финансовым потенциалом КСА. В 1980-е гг. он использовался американскими союзниками для финансирования антисоветского джихада в Афганистане и помощи «контрас» в Никарагуа. США, пользуясь саудовской помощью, достигали сразу трех целей. Во-первых, вместе с саудитами играли на ослабление геополитических позиций СССР. Во-вторых, боролись с арабскими националистическими режимами (насеристов и баасистов). В-третьих, используя традиционные суннитско-шиитские противоречия, проводили совместную политику сдерживания революционного хомейнистского Ирана.

Роль Саудовской Аравии в региональной системе международных отношений существенно выросла в 1970-е и 1980-е гг. Американский политолог ливанского происхождения Фуад Аджами объясняет этот процесс упадком светских арабских государств как центров силы ближневосточной политики и снижением привлекательности идеологии светского арабского национализма, главным центром которой был Египет. Неслучайно Ф. Аджами считает, что саудовские позиции в ближневосточной политике заметно усилились после подписания Кэмп-Дэвидского соглашения между Египтом и Израилем в 1978 г. [4, р. 220–225]. С начала 1980-х гг. саудовское влияние в арабском и исламском мире активно распространялось через сеть ваххабитских медресе, финансируемых из Эр-Рияда. На этот факт обратил внимание в марте 2016 г. американский президент Барак Обама. Президент США вспоминал, что в детстве, когда он жил в Индонезии, ислам в этой стране носил толерантный и мирный характер, но по мере распространения ваххабитской пропаганды он принимал все более воинственный облик. Обама, в частности, сказал: «Саудиты и другие арабы из стран Персидского Залива наводнили страну (Индонезию) своими деньгами, учителями и проповедниками. В 1990-е гг. саудиты активно финансировали ваххабитские медресе и обучали фундаменталистской версии ислама, которую продвигает правящая семья Саудовской Аравии»².

На фоне такого развития небольшой эмират Катар вплоть до начала XXI века играл маргинальную роль в мировой и региональной политике. Выдвижение Катара в региональные лидеры началось после верхушечного переворота, осуществленного в 1995 г. эмиром Хамадом бен

¹ С недавнего времени стало принято использовать термин *fragile states*, обычно переводимый на русский язык как «недееспособные (букв. — хрупкие) государства». Именно этот термин входит в название рейтинга *Fragile States Index*, рассчитываемого американскими Фондом мира и журналом «Foreign Policy». Название *failed states* сохраняется внутри этого индекса для государств, находящихся в наиболее критическом состоянии. — *Прим. ред.*

² *Goldberg J.* The Obama Doctrine. Web resource The Atlantic Magazine. — URL: <http://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/#7>

Халифой против своего отца. Неожиданный взлет Катара объяснялся двумя факторами.

Во-первых, резким увеличением экспорта сжиженного природного газа (СПГ), принесшего эмирату крупные дивиденды. Достаточно сказать, что ВВП Катара в 2011 г. составил 168 млрд долл. При населении страны всего 1,6 млн человек это очень значительная цифра. В том же году объем денежных средств в суверенном фонде благосостояния эмирата составил 304 млрд долл. При этом здесь не учитываются финансы катарского управления по инвестициям КУИ, вкладывающего финансы в наиболее выгодные объекты недвижимости и отрасли экономики по всему миру³. Таким образом, при крайне незначительном населении Катар располагает гигантскими финансовыми ресурсами и, соответственно, огромными душевыми доходами.

Во-вторых, претензиями правящей катарской семьи ат-Тани на право представлять ваххабитское направление ислама. Ваххабитский ислам признан государственной религией этой страны, а катарская элита считает своим долгом пропаганду и распространение этого религиозного учения во всем мире. Катарские шейхи гордятся тем, что эмир Тамим бен Хамад является 18-м правнуком проповедника из Неджда Мухаммеда Абдель Ваххаба (1703–1787) – основателя ваххабизма. По мнению катарских самодержцев, именно кланы ат-Тани и Мидади унесли с собой на Катарский полуостров истинные идеи ваххабизма, тогда как племя аль-Саудов, проживавших севернее на Аравийском полуострове, исказило ваххабизм, придав ему черты замкнутости и религиозной нетерпимости⁴.

В-третьих, претензии Катара на лидерство в арабском и исламском мире подкрепляются покровительством, которое Доха оказывает международному движению «Братья-мусульмане». В этом аспекте интересы Катара совпадают с внешнеполитическими планами нынешнего руководства Турции, представленного президентом Реджепом Тайипом Эрдоганом и возглавляемой им «Партией справедливости и развития» (ПСР)⁵. Не случайно поэтому, что на начальном этапе «арабских революций» именно катарское вмешательство во внутренние дела ряда арабских государств оказалось определяющим. В частности, поддержка Катаром вооруженной оппозиции из клана Мисураты и других племен Киренаики оказалась решающей при свержении режима Муаммара Каддафи в Ливии⁶. Значительную роль сыграли катарцы и на первом этапе гражданской войны в Сирии (2011–2013 гг.), где они поддерживали вооруженную оппозицию – прежде всего, из движения «Братья-мусульмане».

Необходимо отметить, что на этом этапе катарская политика в регионе была согласована с Вашингтоном и в целом соответствовала американским интересам. Многие политические протестные выступления в странах Ближнего Востока были подготовлены американскими научно-аналитическими центрами, базирующимися на территории Катара. В дохийском образовательном кластере «Город образования» функционируют филиалы RAND Corporation, Института Brookings, Джорджтаунского, Техасского и Северо-Западного университетов, университета Карнеги-Меллон и некоторых других учебных и научных центров. Привлечение «Братьев-мусульман» как новой перспективной политической силы на Ближнем Востоке, на которую надо делать ставку, оставив на произвол судьбы отжившие диктаторские режимы (типа режима Мубарака в Египте), входило в планы таких американских центров, как Центр изучения ислама и демократии (CSID), Проект ближневосточной демократии (POMED), Сабановский центр Института Brookings⁷. Подобный подход представлял, например, известный политолог из Джорджтаунского университета Параг Ханна. В изданной в 2009 г. книге «Второй мир» этот исследователь доказывал необходимость для США сделать упор на «исламских демократов», к которым он причислял «Братьев-мусульман». П. Ханна, в частности, писал: «Исламистские группы в Египте и других арабских государствах играют ключевую роль в обеспечении медицинской помощи и оказании образовательных услуг, но некомпетентные самодержцы до сих пор не уделяют внимания этой проблеме, несмотря на рост численности населения».

³ Qatar national development strategy 2011–2016. – URL: http://www.mdps.gov.qa/en/knowledge/HomePagePublications/Qatar_NDS_reprint_complete_lowres_16May.pdf

⁴ Львов П. П. Катар – карлик с амбициями гиганта или мираж в пустыне? Часть 2. Web resource Института Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=13965>

⁵ Jammoul H. Turchia e Qatar: I nuovi leader regionali? Web resource Rivista Eurasia. – URL: <http://www.eurasia-rivista.org/turchia-e-qatar-i-nuovi-leader-regionali/11244/>

⁶ Nordland R. Libyan Rebels said they are being send weapons. The New York Times, 16.04.2011.

⁷ Schiavo N. Qatar: quanto potere in una striscia di sabbia? Web resource Института Ближнего Востока. – URL: <http://www.eurasia-rivista.org/qatar-quanto-potere-in-una-striscia-di-sabbia/12624/>

Самые оживленные и чистые заведения по продаже гамбургеров в Египте имеют вывеску «Муминин» («Правоверный»), что отлично иллюстрирует, кто именно способствует оживлению политики в Египте. Десятилетиями автократия служила оплотом против коммунизма и исламизма, — теперь оружием исламистов против автократов служит демократия. Логика исламской демократии состоит в том, что ислам выступает за освобождение, а не подчинение. С помощью социальной активности и ярких проповедей по телевидению «Братство» обращается к переживающим нелегкие времена среднему и низшему классам, приковывая к себе внимание избирателей с помощью лозунгов «Ислам дает решение» или «Если руководствоваться исламом, то никто не будет голодать» [3, с. 264–265]. Катарский подход к процессам арабской весны включает в себя два главных момента: установление в арабских странах «исламской демократии» с преобладанием «Братьев-мусульман» и поэтапное освоение экономики этих стран катарскими компаниями и фондами.

Поначалу такая позиция во многом разделялась и администрацией США, но затем американский подход к событиям «арабской весны» претерпел изменения. На это оказали влияние как объективные, так и субъективные факторы. К объективным относится скептицизм США по отношению к «Братьям-мусульманам» как силе, способной сдержать террористов (особенно усилившийся после убийства американского посла в Ливии Кристофера Стивенса в сентябре 2012 г.). К субъективным относится позиция нынешней американской администрации президента Дональда Трампа, крайне негативно относящейся к деятельности движения «Братьев-мусульман» и считающей основными стратегическими партнерами США в регионе Саудовскую Аравию и Израиль. Такой подход в полной мере проявился в ходе официального визита президента США Дональда Трампа в Саудовскую Аравию 20–23 мая 2017 г., в ходе которого он выступил с обращением к представителям 55 исламских государств. В нем он назвал Иран, а также движения «Хизбалла» и ХАМАС главными дестабилизирующими силами в регионе Ближнего Востока. «Мы стоим перед лицом гуманитарной и военной катастрофы в регионе, влияние которой распространяется на весь мир, — сказал, в частности, Дональд Трамп в своем выступлении в столице Саудовской Аравии. — Это трагедия гигантских масштабов, и никакие описания причиняемых ею страданий не в состоянии вместить ее размеров. Цена, которую заставляют платить ИГ, «Аль-Каида», «Хизбалла», ХАМАС и другие, измеряется не только количеством убитых, но и многими поколениями разбитых мечтаний»⁸.

Планы перекройки политической карты Ближнего Востока и смены руководства в ряде арабских стран, вынашивавшиеся в Дохе и Эр-Рияде привели к усилению соперничества между Катаром и Саудовской Аравией. Победа движения «Братья-мусульмане» на парламентских выборах в Египте в 2012 г. и приход на пост президента этой страны Мухаммеда Мурси сильно встревожили Эр-Рияд. Ответной мерой Саудовской Аравии стала поддержка военного переворота, совершенного в июле 2013 г. фельдмаршалом Абдель Фаттахом ас-Сисси. Позже КСА предоставила льготный кредит на укрепление египетской экономики в размере 15 млрд долл. для того, чтобы предотвратить социальные волнения в стране⁹. Поражение движения «Братьев-мусульман» в Египте явилось одной из причин отречения от власти эмира Хамада бен Халифы и прихода к власти в Дохе более компромиссной фигуры — его сына Тамима бен Хамада.

Еще одной площадкой катарско-саудовского соперничества стала Сирия. Верное своим стратегическим установкам, катарское руководство на начальном этапе военно-политического конфликта в этой стране поддержало движение «Братья-мусульмане» и связанные с ним вооруженные формирования: «Лива ат-тавхид» и «Ахрар аш-Шам». В то же время Саудовская Аравия с самого начала оказывала поддержку относительно умеренным боевикам из Сирийской Свободной Армии (ССА) и созданной в сентябре 2013 г. салафитской вооруженной группировке «Джейш аль-ислам» во главе с саудовским ставленником Захраном Аллюшем¹⁰. Однако по мере разочарования в политических и организационных возможностях «Братьев-мусульман» Доха, по мнению российского исследователя Ю. Б. Щегловина, стала подпитывать откровенно террористическую группировку «Исламское государство». В свою очередь Саудовская Аравия,

⁸ Trump D. A battle between good and evil: Donald's Trump Saudi Arabia speech in full. Web resource Middle East Eye. — URL: <http://www.middleeasteye.net/news/transcript-trump-s-speech-arab-islamic-american-summit-930933325>

⁹ al-Ibrahim F. Riyadh and Doha: a fierce but low-profile battle. Web resource газеты Al Akhbar (Ливан). — URL: <http://english.al-akhbar.com/content/riyadh-and-doha-fierce-low-profile-battle>

¹⁰ Royal rivalry in the Levant: Saudi Arabia and Qatar duel over Syria. Web resource Jamestown Foundation. — URL: [http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews\[tt_news\]=41249&no_cache=1#_U_jESKPW7cl](http://www.jamestown.org/single/?tx_ttnews[tt_news]=41249&no_cache=1#_U_jESKPW7cl)

несмотря на политические декларации, взяла на обеспечение экстремистскую вооруженную группировку «Джабхат ан-нусра» [3, с. 27–30].

Региональное соперничество между Королевством Саудовская Аравия и Катаром впервые вышло на поверхность весной 2014 г. 5 марта 2014 г. Саудовская Аравия, Бахрейн и Объединенные Арабские Эмираты отозвали своих послов из Дохи. Формальным поводом для этого послужило то, что эмир Катара Тамим аль-Тани не прореагировал на обращение Саудовской Аравии от 22 ноября 2013 г., в котором содержался призыв «воздержаться от поддержки элементов, ведущих подрывную деятельность против арабских государств». Под этими элементами подразумеваются представители движения «Братья-мусульмане» из КСА и ОАЭ, нашедшие убежище в Дохе и открывшие там свои офисы¹¹.

Необходимо отметить, что данный инцидент был далеко не первым в цепи политических конфликтов Катара с Саудовской Аравией. Несмотря на то, что в 1965 г. между двумя государствами был подписан договор о демаркации границ, в 1992 г. саудовские войска заняли катарский пограничный пункт аль-Хафус, атаковав там участок катарской полиции. Данное событие получило в арабской прессе название «битвы Хафус». В 1995 г., когда отец нынешнего эмира Хамад ат-Тани пришел к власти в Дохе в ходе дворцового переворота, Катар обвинил КСА во вмешательстве во внутренние дела и поддержке племени Мурра. Несколько сот видных членов племени были тогда же лишены катарского гражданства и высланы за рубеж¹².

Новый раунд катарско-саудовского противостояния начался уже в мае 2017 г. Во второй половине мая 2017 г. телеканалы «Аль-Арабия» и «Скай ньюз Арабия» начали информационную кампанию против правящей семьи Катара. При этом были продемонстрированы записи разговоров (их подлинность пока неясна) бывшего эмира Хамада бен Халифы, отрекшегося от престола в 2013 г., с бывшим лидером Ливии Муаммаром Каддафи и бывшим президентом Йемена Али Абдаллой Салехом. Согласно данной информации, эмир Хамад в 2008 г. жаловался Каддафи на Саудовскую Аравию и говорил о своем намерении оторвать от этой монархии, в которой тогда правил король Абдалла бен Абдель Азиз, богатую нефтью провинцию Шаркийя. В то же время во время разговора с президентом А. А. Салехом он призывал последнего совершать диверсии в саудовском тылу и добиваться возвращения провинций Асир, Наджран и Джиззан. Одновременно этими телеканалами распространялась информация о том, что министр иностранных дел Катара Мухаммед бен Абдель Рахман ат-Тани во время своего последнего по времени визита в Ирак вел там тайные переговоры с командующим спецназом «Кудс» Корпуса стражей исламской революции (КСИР) генералом Касемом Сулеймани. Все это побудило саудовскую правительственную газету «Оказ» назвать эмиров Катара «врагами саудовской нации»¹³. 5 июня четыре арабских государства — Египет, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Саудовская Аравия и Бахрейн — одновременно объявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром. Они обвинили эмират в поддержке террористических организаций, в частности «Аль-Каиды» и «Исламского государства». Саудовская Аравия опубликовала официальное заявление, в котором было сказано, что Королевство разрывает дипломатические отношения с Катаром, а также прекращает сухопутные, морские и воздушные транспортные связи с ним с целью защитить себя от террора. Фактически это означает блокаду Катара, так как многие необходимые продукты питания завозятся в эмират из Саудовской Аравии. В то же самое время Египет объявил, что он разрывает отношения с Катаром из-за поддержки, которые этот эмират оказывает таким террористическим организациям, как «Братья-мусульмане». Египтяне также сообщили, что они прекращают все морские и воздушные связи с Катаром. ОАЭ обвинили Катар в подрыве стабильности в ближневосточном регионе и потребовали от катарских дипломатов покинуть свою территорию в течение 48 часов. Позже к этим мерам присоединился и Бахрейн. Необходимо отметить, что все попытки внешнеполитического посредничества в урегулировании кризиса между Катаром и «четверкой» арабских государств, которые предпринимались государственным секретарем США Рексом Тиллерсоном, комиссаром Евросоюза по международным делам Федерикой Могерини и министром иностранных дел Кувейта Сабахом аль-Халедом ас-Сабахом вплоть до конца июля не дали никаких результатов. Одновременно правительство Катара отвергло предъявленные Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Бахрейном 13 требова-

¹¹ *al-Ibrahim F.* Riyadh and Doha: a fierce but low-profile battle. — URL: <http://english.al-akhbar.com/content/riyadh-and-doha-fierce-low-profile-battle>

¹² *Nordland R.* Libyan Rebels said they are being send weapons. The New York Times, 16.04.2011.

¹³ *Атван А.* Катар туваджиу сани ахтар азма фи тарихуха [Катар сталкивается со вторым наиболее опасным кризисом в своей истории]. Web resource газеты Rai al Youm. — URL: <http://www.raialyoum.com/?p=680527>

ний, включающих в себя обязательство прекращения помощи движению «Братьев-мусульман»; выдворение из Катара проживающих там в эмиграции оппозиционеров из стран Персидского залива и Египта; закрытие телекомпаний «Аль-Джазира»; закрытие научно-исследовательских и экспертных центров на территории Катара, участвовавших в подготовке «арабской весны»; ограничение внешнеполитического и военного сотрудничества с Ираном и Турцией. Правительство Катара отвергло данные требования, справедливо посчитав их ущемлением национального суверенитета своей страны.

На наш взгляд, можно выделить несколько основных факторов, обуславливающих катарско-саудовское соперничество. Во-первых, уже упомянутое геополитическое соперничество за гегемонию в странах Арабского Востока. Во-вторых, исторический фактор противоречий между правящими семьями аль-Саудов и ат-Тани. Дело в том, что часть племени Тамим, к которому принадлежит правящая династия Катара, была в XIX веке вытеснена саудитами из западной части Аравийского полуострова (регион Неджд) на территорию современного Катара. Часть этого племени проживает также на территориях современных Сирии и Ирака. Тем не менее катарские эмиры продолжают поддерживать активные связи со своими саудовскими соплеменниками. Они спонсируют строительство мечетей в районах расселения племени Тамим, поддерживают местных шейхов и даже предоставляют соплеменникам катарское гражданство¹⁴.

Третьей причиной соперничества между двумя странами — членами ССАГПЗ является борьба за роль наследников Мухаммеда Абдель Ваххаба и за руководство салафитским течением в исламе. 28 мая 2017 г. 200 представителей ваххабитского духовенства Саудовской Аравии, включая муфтия Абдель Азиза Ааль аш-Шейха, считающегося прямым потомком Мухаммеда Абдель Ваххаба, обратились с открытым письмом, в котором выразили сомнения в происхождении правящей семьи Катара от родоначальника ваххабизма и потребовали убрать его имя с центральной мечети Катара¹⁵.

Четвертым и едва ли не основным фактором конфликта между двумя государствами является на сегодняшний день различие в отношении Эр-Рияда и Дохи к Ирану и его роли в регионе. Конфронтационный подход нынешнего саудовского руководства к Ирану известен и был неоднократно озвучен видными членами королевской семьи, в том числе наследным принцем и министром обороны Мухаммедом бен Сальманом¹⁶. В то же время катарское руководство, несмотря на расхождения с Тегераном по сирийскому вопросу, неоднократно призывало к диалогу стран ССАГПЗ с Ираном и установлению с ним добрососедских отношений. Причины желания Дохи поддерживать нормальные отношения с Тегераном лежат как в экономической, так и в политической плоскости. Как известно, экономическое благополучие Катара базируется на экспорте сжиженного природного газа (СПГ). При этом иранцы и катарцы фактически разрабатывают одно и то же газовое месторождение на шельфе Персидского залива (в иранской версии — Южный Парс, в катарской — Северный Купол). Любое обострение отношений с Ираном, таким образом, неблагоприятно скажется на катарской экономике. Кроме того, правящая семья Катара, опасаясь «саудовского гегемонизма» рассматривает Иран в качестве одного из гарантов своей безопасности в будущем.

14 сентября 2016 г. эмир Катара Тамим бен Хамад ат-Тани провел телефонный разговор с президентом Ирана Хасаном Роухани, в котором призвал к установлению в регионе Персидского залива новой системы международных отношений, основанной на добрососедстве и уважительном диалоге, и предложил себя в качестве посредника в преодолении противоречий между Ираном и странами ССАГПЗ, прежде всего Саудовской Аравией.

Телекомпания «Аль-Джазира» подробно и очень благожелательно комментировала президентские выборы, прошедшие в мае 2017 г. в ИРИ. Более того, Катар оказался единственным государством ССАГПЗ, пославшим своих наблюдателей на эти выборы. МИД Ирана выдал 39 виз катарским наблюдателям и журналистам, прибывшим в страну в выборный период. Эмир Тамим одним из первых поздравил Хасана Роухани с победой на выборах и подчеркнул в своем письме, что он считает хорошие катарско-иранские отношения важным фактором ста-

¹⁴ *Атван А.* Ма хувва ас-сирр аль-хакики аль-лязи йакифу вараа аль-байян аль-гадаб ли усра Мухаммед ибн Абдель Ваххаб би искат нисбуха амир Катар? [В чем заключается подлинный секрет, стоящий за резким заявлением семьи Мухаммеда Абдель Ваххаба, отрицающим происхождение (от этой семьи) эмира Катара?] Web resource газеты Rai al Youm. — URL: <http://www.raialyoum.com/?p=683846>

¹⁵ Там же.

¹⁶ Saudi royal says no space for dialogue with Iran. Web resource Al Araby al Jadeed. — URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/5/2/saudi-royal-says-no-space-for-dialogue-with-iran>

бильности в регионе Персидского залива и приложит все силы к улучшению и расширению этих связей. Через несколько дней после своего возвращения из Эр-Рияда, где 20 мая 2017 г. президент США Д. Трамп выступил с известной речью антииранской направленности, на одном из катарских сайтов появился текст доклада эмира Тамима, впоследствии, правда, удаленный. В выступлении, прозвучавшем на военной церемонии, содержалась завуалированная критика тезисов Дональда Трампа. Эмир Тамим бен Хамад, в частности, сказал о том, что «Иран представляет собой значительную исламскую и региональную державу и было бы неразумно вступать с ней в конфронтацию», а также отметил, что «Иран является большой стабилизирующей силой в регионе»¹⁷.

Однако противоречия в рамках ССАГПЗ не исчерпываются конфликтом между Саудовской Аравией и Катаром. В последнее время все яснее просматривается также соперничество между Саудовской Аравией и Объединенными Арабскими Эмиратами в Йемене. В 2015 г. саудовское руководство приступило к проведению в Йемене военной операции «Буря решимости» против вооруженных формирований хоуситов и сторонников бывшего президента Али Абдаллы Салеха. Данное решение было большой политической ошибкой саудовского руководства. За два года проведения операции ее военные цели не были достигнуты, а внешнеполитический престиж Саудовской Аравии и база ее поддержки в Йемене были существенно подорваны. В ходе налетов саудовской авиации погибло более 10 тыс. мирных жителей, около 12 млн жителей Йемена оказались на грани голода¹⁸.

В то же время на территории Южного Йемена саудиты фактически потерпели политическое поражение от своего союзника по антихоуситской коалиции — Объединенных Арабских Эмиратов. Официальный президент Йемена Абд Раббо Мансур аль-Хади, пользующийся поддержкой КСА, реально не контролирует ситуацию даже на официально подвластной ему территории Южного Йемена и не поддерживается крупнейшими йеменскими племенами и кланами. В этих условиях руководство ОАЭ начало в Йемене собственную игру, направленную на создание в Южном Йемене фактически независимого государства под эмиратским контролем. В этой игре Абу-Даби опирается на помощь южнотийменских сепаратистов из движения «аль-Хирак», среди которых немало бывших активистов Йеменской социалистической партии (ЙСП).

Первый существенный конфликт между саудовскими и эмиратскими интересами в Йемене произошел 13 февраля 2017 г., когда отряды охраны Абд Раббо Мансура аль-Хади вели бои против вооруженных формирований «аль-Хирак» за контроль над Аденским аэропортом¹⁹. Данный конфликт получил продолжение после того, как в конце апреля 2017 г. в Южном Йемене вразрез со всеми договоренностями в рамках аравийской коалиции было сформировано переходное правительство во главе с бывшим губернатором Адена Айдирусом аз-Зубейди.

По мнению ряда арабских аналитиков, подобное поведение ОАЭ продиктовано двумя факторами. Во-первых, стремлением взять под контроль Аденский порт. Во-вторых, желанием не допустить во власть в Йемене партию «Ислах», связанную с движением «Братьев-мусульман»²⁰.

* * *

Подводя итоги рассмотрению существенно усилившихся в последнее время разногласий в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, катарско-саудовские противоречия имеют не тактический, а стратегический и долговременный характер. В этой связи перспектива полной нормализации отношений между двумя ключевыми государствами ССАГПЗ в настоящее время не просматривается. В случае перехода этих противоречий в конфронтационную фазу возможен раскол региональной организации ССАГПЗ с выходом из нее эмирата Катар.

¹⁷ *Атван А.* Калима ас-сирр фи ль хиляф аль-халиджи аль-мутафакким каифа? Иран [Каково секретное слово, объясняющее соперничество в Заливе? Иран.] Web resource газеты Rai al Youm. — URL: <http://www.raialyoum.com/?p=681583>

¹⁸ *al-Rasheed M.* Saudi-Qatar tensions divide GCC. Web resource al Monitor. — URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/03/saudi-qatar-gcc-tensions-islamist.html#ixzz2vSSqdZDN>

¹⁹ Boiling tensions: Yemen pro-coalition forces fight for Aden airport. Web resource Al Araby al Jadeed. — URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/News/2017/2/13/Boiling-tensions-Yemens-pro-coalition-forces-fight-for-Aden-Airport>

²⁰ *Атван А.* Музахерат Адена аль-дахамма туввакиду аль-машру аль-имарати ли фасль джануб аль-Йаман мин шумальяху [Огромные демонстрации в Адене указывают на проект Эмиратов по отделению юга Йемена от севера]. Web resource газеты Rai al Youm. — URL: <http://www.raialyoum.com/?p=669125>

Во-вторых, центральное место в катарско-саудовских противоречиях занимают покровительство Катаром движения «Братья-мусульмане» и иранская проблема. Присоединение к саудовской антииранской политической линии влечет для Катара значительные риски и издержки в сфере экономики, политики и безопасности.

В-третьих, политические перспективы Катара во многом будут зависеть от позиции Соединенных Штатов, располагающих на территории Катара крупнейшей в ближневосточном регионе военной базой Эль-Удейд. В то же время, учитывая возобновление стратегического партнерства между США и КСА в полном объеме, Дохе будет сложно без значительных уступок опереться на США в споре с Эр-Риядом. На готовность к этим уступкам косвенно указывает выдворение из Катара ряда высших руководителей движения ХАМАС, состоявшееся в начале июня 2017 г.²¹

В-четвертых, по мнению ряда арабских экспертов, у Катара имеются три варианта выхода из кризиса в отношениях с КСА и снижения рисков для своей национальной безопасности. Первый — это полная капитуляция перед Эр-Риядом, включая сворачивание отношений с Ираном и присоединение к «арабскому НАТО». Такая капитуляция подразумевает также отказ от поддержки движения «Братья-мусульмане», что сведет на нет долгосрочные стратегические планы Дохи. Вторым вариантом является попытка разрешить противоречия с КСА при помощи администрации Дональда Трампа. Этот путь представляется чрезвычайно затратным, учитывая планы Трампа улучшить американскую экономическую ситуацию за счет союзников в Персидском Заливе. Третьим вариантом является полный разрыв с Эр-Риядом и установление в той или иной форме альянса с коалицией Ирана, Сирии и Ирака, что на сегодняшний день маловероятно.

Наконец, в-пятых, наметились серьезные расхождения между Саудовской Аравией и ОАЭ по йеменскому вопросу. Имеет место стремление руководства ОАЭ вырвать Южный Йемен из саудовской зоны влияния. Однако, учитывая общие установки двух государств по отношению к Ирану и к движению «Братьев-мусульман», это обстоятельство едва ли приведет к открытому конфликту между ними.

Литература / References

1. *Васильев А. А.* История Саудовской Аравии. — М.: Наука, 1982 [*Vasiliev A. A.* The History of Saudi Arabia. — М.: Nauka, 1982; *Vasiliev A. A.* Istorija Saudovskoy Aravii. — М.: Nauka, 1982].
2. *Ханна П.* Второй мир. — М.: Открытое общество, 2011 [*Hanna P.* The Second World. — М.: Otkrytoje obshchestvo, 2011; *Hanna P.* Vtoroy mir. — М.: Otkrytoje obshchestvo, 2011].
3. *Щеглов Ю. Б.* Размышления об «Исламском государстве». — М.: Институт Ближнего Востока, 2016 [*Shcheglov Yu. B.* Reflections on the «Islamic State». — М.: Middle East Institute, 2016; *Shcheglov Yu. B.* Razmyshleniya ob «Islamskom Gosudarstve». — М.: Institut Blizhnego Vostoka, 2016].
4. *Ajami F.* The Arab Predicament. — N.Y.: Simon and Schuster, 1986.
5. Qatar national development strategy 2011–2016. Doha: Qatar General Secretariat for Development Planning. — URL: http://www.mdps.gov.qa/en/knowledge/HomePagePublications/Qatar_NDS_reprint_complete_lowres_16May.pdf

²¹ Чернин В. Катар высылает со своей территории представителей ХАМАСа. Web resource Института Ближнего Востока. — URL: <http://www.iimes.ru/?p=35341>

Disagreements between Member States of the GCC as a Factor of the Political Situation in the Middle East Region

Alexander A. Kuznetsov, PhD (Political Science), Assistant Professor,
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, 119606, 84 Vernadsky Ave.
Visiting Fellow at the Center of Civilizations' Partnership,
Institute for International Studies, MGIMO-University.
Moscow, 119454, 76 Vernadsky Ave. E-mail: samarkand4@yandex.ru

Summary. *The paper deals with the phenomenon of the Qatari-Saudi rivalry in the Middle East in the context of dissimilarities between political programs and aspirations of the two states in the Middle East.*

The following research undertakings are realized in the article:

- *an explanation of the reasons of Qatar and the Saudi Kingdom's domination in the Arab politics of the last 15 years;*
- *an analysis of the Qatari foreign policy and the regional geopolitical agenda of Qatar;*
- *an inquiry into the reasons and driving forces of the Saudi-Qatari conflict;*
- *a study of the external actors' influence on the Saudi-Qatari conflict, taking into account the changes in the U.S. foreign policy;*
- *investigation of the different political strategies of the Saudi Arabia and UAE in Yemen which may lead to disintegration of this country.*

The author emphasizes four main reasons for the Saudi-Qatari rivalry: support by the Qatari leadership of the international movement Muslim Brotherhood; tribal rivalry among the families of al-Saud and al-Thani; struggle for the ideological heritage of Muhammad Abdel Wahhab; different approaches to Iran, and its role in the region.

Keywords: *Qatar, Saudi Arabia, United Arab Emirates, GCC, Islamic Republic of Iran, Muslim Brotherhood, geopolitical tensions.*